
Алексей КОМАРОВ

РАССКАЗЫ

«ЛИВЕРПУЛЬ» ЗАБЬЕТ ПЕРВЫМ

Ставка ты моя, ставочка, мерзкая сволочь, распоследняя гадина, камень на шее, лучик света в непроглядной тьме. Ненавижу тебя, проклиная тебя, молюсь на тебя...

Я недолго колебался, прежде чем начал играть на ставках. Причины у всех одинаковы. Желание быстро и легко разбогатеть. Поднять денюжку и забыть наконец про нищенские акции в «Пятерочке», душные вагоны метро, поношенную обувь и долги за квартиру.

Было это и в моей жизни. После университета я отчаялся найти работу и сидел на шее у отца с матерью. Главным образом — у отца, брокера в крупной фирме. Мама писала любовные рассказы и рассылала их в литературные журналы, скорее из удовольствия, чем ради серьезных доходов. Мы не шиковали, но и не бедствовали, словом, гордились принадлежностью к среднему классу.

Однажды отец рано вернулся со службы. Обычно безукоризненно причесанный и выбритый, в тщательно выглаженном костюме и сверкающих ботинках, в тот момент он напоминал бродягу. Галстук сбился набок, волосы растрепались, пиджак помялся, на брюках зияли свежие прорехи. По коридору расплывалась вонь дешевого алкоголя.

Позднее отец поведал, что их компания не прошла аудиторскую проверку, а в его деятельности обнаружили серьезные нарушения законодательства. Итог — аннулирование лицензии и лишение аттестатов. Отца выгнали вон. Без денег и перспектив. Вот тогда мы и узнали, почем фунт лиха. Началась борьба за выживание. Пришлось и мне вносить свою лепту. Но после ряда случайных подработок я понял, как сложно найти дело, приносящее удовлетворение и финансово, и морально. В минуты тяжких раздумий решение нашлось само собой.

Досуг я коротал за просмотром сериалов. Они не требовали напряженных умственных усилий, развеивали мрачное настроение. И сколько бы серий я ни запускал, ни разу мне и в голову не пришло обратить внимание на вступительную рекламную заставку. Две блондинки под заливчатый хип-хоп-бит рассекали в кабриолете и разбрасывали вокруг купюры. Короткий клип выглядел тошнотворно, и я всегда отключал звук. А тут, поглощенный мыслями о нашем бедственном положении, промедлил и впервые узнал, что же с таким воодушевлением рекламировали девицы. Букмекерскую контору IncredibleBet, сокращенно IncBet — «Невероятные ставки на спорт».

Я покопался в Интернете. Часть подобных контор признавались вполне легальными, хотя раньше я считал их чем-то подпольным (как и беттинг — игру со ставками).

Алексей Константинович Комаров родился в 1992 году в г. Коврове Владимирской области. Окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова (кафедра новой и новейшей истории Франции). С 2013 года публиковался в журнале «Rolling Stone Russia» сначала в качестве переводчика, а затем в качестве автора-кинокритика (по настоящее время). Также писал для журналов «Empire», «Hollywood Reporter», «Time Out», «Мир фантастики».

Просто создать аккаунт на сайте было недостаточно. Требовалось подтвердить личность с помощью паспорта в офисе. Обычно я опасался светить документами. Однако углубленный поиск компромата на IncBet не принес результатов. Негативных отзывов или обвинений в мошенничестве я не обнаружил. Все казалось относительно прозрачным и внушало умеренный оптимизм. Я решился.

На следующее утро я напел родителям, что иду на собеседование, а сам поехал в ближайший офис IncBet. Приветливая дама быстро проделала необходимые процедуры. Я скачал на телефон приложение и пополнил баланс на символические пятьсот рублей. Первые пятьсот рублей, влитые мной в IncBet.

В помещении царил пыльный полумрак, пахло табаком и застарелым потом. По стенам светились плазменные телевизоры с трансляциями. Ставили абсолютно на все, вплоть до регби и хоккея на траве. Кто-то сидел за компьютером и шерстил инкбетовский сайт, кто-то расположился на диванчиках и тарачился в экраны. По одному из них крутили футбол, а напротив было свободное место. Я присел возле элегантного молодого человека и внимательнее пригляделся к происходящему.

«Ювентус» принимал «Милан». Вообще я не очень внимательно следил за футбольными баталиями, но еще со школы помнил, что туринский клуб является грозной силой. Шла пятидесятая минута. «Юве» уступал 0:1. В приложении победа хозяев шла по коэффициенту 3,5. Я решил рискнуть. Выиграю — возьму дармовой куш, проиграю — тоже не беда. Не Бог вещь какая сумма.

Матч выдался скучный. Вальяжное перекатывание мяча да вялые атаки. Я вышел покурить, а когда вернулся, счет внезапно сравнялся. Чуть позже «Юве» реализовал пенальти и вырвался вперед, а остаток времени грамотно сыграл на удержание. Я палец о палец не ударил и за сорок минут поднял больше полутора тысяч. Недурной старт. Наверное, я аж засветился от радости. Мой сосед подмигнул мне и понимающе улыбнулся.

Захотелось упрочить успех. Я торжественно прошелся по залу. Меня удивили бесстрастные лица присутствующих. То ли им не везло, то ли было просто наплевать — во всяком случае, я не понимал, как они сохраняли спокойствие. Выигранная ставка воспламенила мое воображение, заставила кровь бурлить, а сердце — ликующе биться в предвкушении новых и, кажется, не слишком тяжелых заработков.

Я понаблюдал за теннисным поединком. Златокудрый юноша противостоял массивному гиганту и уже провалил первый сет. Я нашел эту встречу в приложении, прикинул, на что бы поставить. Блондин отдал свою подачу, и теперь громила вел 3:1 во втором сете. Сомнений в его победе не возникало, и я загрузил на нее весь банк по скромному коэффициенту 1,2. Солидные ставки на низкие коэффициенты казались безопасным способом зашибить пару лишних сотен.

Я попил кофейку, полистал журналы, потрепался с женщиной на ресепшне. Она работала в IncBet три года и повидала немало грандиозных триумфов и сокрушительных фиаско. Один старичок, например, много лет копил пенсию для ставки на финал Лиги чемпионов. Прогноз оправдался, старичок стал миллионером, но от пережитых потрясений его прямо на месте хватил инфаркт. Он скончался до приезда «скорой».

В другой раз скромная девушка дрожащими руками вытащила из сумочки толстые пачки пятитысячных купюр и поставила на исход одновременно нескольких событий. В том числе — на гол футбольного клуба «Бавария», экзаменовавшего на своем поле аутсайдера немецкой Бундеслиги, по ничтожному коэффициенту 1,05. Он был включен в экспресс для повышения общего коэффициента, но именно этот исход и не сработал. «Бавария» уступила всухую. Трансляцию матча девушка смотрела здесь и за все время не проронила ни слова. Потом она молча встала, вышла на улицу. Пять минут спустя в офис влетел охранник и сообщил, что девушка бросилась под грузовик.

— Вы не ощущаете вину, когда происходит такое? — спросил я.

— С чего бы? — отозвалась женщина, надраивая пилочкой ногти. — Мы же никого не заставляем делать ставки. И результаты не подтасовываем. Мы как банк, принимаем деньги, выдаем деньги. А распоряжается ими каждый по-своему. Мы ответственности не несем.

Пока мы болтали, я и думать забыл о том, что изначально зарегистрировался в IncBet для помощи семье. Азарт и адреналин отменили разумные доводы, и даже стремление выиграть утихло. Меня полностью захватил сам процесс. Напряженное ожидание, страх, искушение, надежда... Я занимался беттингом не больше часа, но уже чувствовал себя наркоманом.

Я вновь запустил приложение, ожидая увидеть оповещение о зашедшей ставке. Но игра продолжалась. Я вернулся к экрану и обнаружил, что гигант умудрился слить пять геймов подряд. Второй сет остался за блондином. Я рухнул на диван.

В третьем сете гигант взялся за ум, и дело дошло до тай-брейка, укороченной партии до семи очков. Блондинчик дважды подал навылет. Здоровяк взял очко на своей подаче, затем допустил двойную ошибку и расклеился окончательно. 7:1 на тай-брейке, 7:6 в сете — блондин одержал верх. А я потерял полторы тысячи в погоне за тремя сотнями.

— Охренеть, — только и мог прошептать я.

— А знаешь, почему так получилось?

Я обернулся. Ко мне обращался щеголеватый молодой человек, которого я заметил раньше. Он выглядел немногим старше меня, но падавшие на лоб темные волосы и черневшая на бледном лице эспаньолка придавали ему взрослой солидности.

— Что получилось?

— Ну, почему ты продул?

— А с чего ты взял, что я продул?

— Видел, как ты потел и грыз ногти, — он рассмеялся.

— Допустим. Не повезло. И что дальше?

— Дальше умнее будешь. Ты совершил главную ошибку в беттинге. Поддался эмоциям. И полез в теннис, хотя ни черта в нем не смыслишь. Знаешь, против кого ты ставил? Против Саши Зверева, седьмой ракетки мира. А второй мужик — ничтожество из второй сотни рейтинга. Саша мог бы прицелкнуть его одним ногтем. Но он любит валять дурака.

— Ты тоже беттингом занимаешься?

— Занимаюсь. Я профессиональный каппер.

— А я только сегодня тут зарегистрировался. Слушай, может, ты дашь мне пару советов, объяснишь тонкости? Я тебя пивком угощу.

— Пиво не пью. Но за бутылочкой вина готов пообщаться.

Мы отправились в ближайший бар, где мой новый знакомый по имени Олег поведал немало интересного. За семь лет беттинга благодаря особой стратегии он сколотил целый капитал.

Главный залог процветания, по мнению Олега, — стабильность. Выбери фиксированный размер ставки и придерживайся его, пока не сочтешь необходимым изменить в ту или иную сторону. Важно также делать строго определенное количество ставок в день. Чем больше пари ты заключаешь, тем выше риск проигрыша. Олег убежден: лучше идти к намеченной цели медленно, но верно. Невысокий постоянный доход в беттинге ценнее шальных джекпотов.

Мы приговорили бутылочку красного и расстались приятелями. Я снова пополнил баланс и принялся осваивать методику Олега. Ставить решил только на футбол и по-

тому плотно окунулся в футбольную реальность. Мониторил трансферы, изучал статистику команд, следил за европейскими, американскими и азиатскими лигами... Вскоре я заделался неплохим экспертом и при желании мог бы устроиться журналистом в любое спортивное издание. Но обычная работа по-прежнему не прельщала. Новый мир поглотил меня целиком.

С утра я садился за анализ линии дня и выбирал два-три события, казавшихся надежнее прочих. Сначала ставил по двести-триста рублей, был крайне осторожен, и через пару месяцев мой банк ощутимо возрос, позволив увеличить размеры ставок. Периодически мы встречались с Олегом, и тот охотно обучал меня хитрым трюкам.

Родителям я ни словом не обмолвился о новом увлечении, а почти постоянное присутствие дома объяснял тем, что активно фрилансил и переводил тексты с английского. Благо финансы мои стабилизировались, и спустя полгода после дебютной ставки я спокойно отстегивал двадцать-тридцать тысяч в семейный бюджет ежемесячно.

А потом над безукоризненно просчитанным проектом сгустились тучи. Однажды вечером мы ужинали перед телевизором. Вдруг отец задрожал и уронил поднос. Попытавшись встать, он скорчился и, смертельно-бледный, повалился на ковер. Мать вызвала «скорую». Привести отца в чувство не удавалось. Изо рта хлестала кровь, прерывистое дыхание могло оборваться в любую секунду. Врачи погрузили его в машину, мы помчались в больницу. Мамины причитания и вой сирены смешивались в inferнальную какофонию.

Анализы выявили рак желудка в критической стадии. Однако, по заверениям онколога, операция все равно имела смысл и давала крошечный шанс. Хотя времени почти не оставалось. Необходимая подготовка осуществлялась за месяц, в ускоренном режиме — последние технологические разработки позволяли существенно форсировать процесс. Малейшее промедление было смертельно.

Сумму на химиотерапию мы нашли быстро. Обзвонили родных, друзей, знакомых. Благодаря богатому мамину брату и состоятельным родителям моей бывшей девушки, с которой я поддерживал хорошие отношения, удалось собрать несколько десятков тысяч евро. Предстояло самое сложное. Оплата операции. Даже с учетом скидки от клиники требовалось пять миллионов рублей.

На моем счету в IncBet числилось полмиллиона. Выходные обещали насыщенную линию. Я решил состряпать экспресс с коэффициентом 10 и пойти ва-банк. Это был наш единственный шанс спасти отца. Прочие средства мы исчерпали. Я позвонил Олегу и вкратце обрисовал ситуацию. Мы договорились пересечься пораньше на следующий день и четко выбрать матчи. Меня глубоко тронуло горячее стремление Олега помочь, искреннее сочувствие и бескорыстное содействие.

Мы встретились у входа в IncBet. Первый матч стартовал через полчаса. Я изложил свои соображения.

— «Челси» — «Арсенал»? — Олег покачал головой. — Не советую. И те и другие не стабильны.

— На «обе забьют» можно поставить? У «Челси» сильнейший состав. Жиру, Педро, Виллиан. А у «Арсенала» — Ляказетт с Обамеянгом.

— Ладно, в принципе, можно, — согласился Олег. — Бери еще и «Кристал Пэлас» — «Уотфорд». Что «Уотфорд» положит больше одного мяча. Команда в отличной форме, один точно заколотит, а там и второй заскочит. В худшем случае получишь возврат.

— Возврат не годится, — возразил я. — А то не соберем нужную сумму. Должны срабатывать все исходы.

— Я понял, — кивнул Олег. — Тогда обрати внимание на Францию с Германией. «Марсель» — «ПСЖ», например. Марсельцы хороши, но парижане их гарантированно

дернут. Смело ставь на победу. «Герта»—«Боруссия» — аналогично. «Боруссия» сейчас всех раскатывает.

— «Вольфсбург»—«Байер»? — я мыслил вслух. — Или «Нант»—«Лион»? И в обоих случаях — больше двух голов. Травм ни у кого нет, настрой боевой...

— А у тебя, друг мой, как настрой? — поинтересовался Олег. — Тут, понимаешь, удача тоже имеет значение. Ты полностью уверен, что тебе повезет?

— Уверен, — твердо ответил я. Мог ли ответить иначе?

Между нами с отцом никогда не наблюдалось чрезмерной близости. Он не баловал меня подарками, не рассказывал страшилок на ночь, редко помогал с уроками, не давал советов по общению с девочками. Да и я нечасто изливал ему душу. Но стоило подумать о том, что его скоро не станет, и я осознавал беспощадную истину: мне будет его не хватать. И я сделаю все возможное, чтобы он остался со мной.

Мы сложили экспресс с нужным коэффициентом. «Челси» с «Арсеналом» порадовали сразу, обменявшись голами в первом тайме. Не подвел и «Уотфорд» — вел 1:2 к шестидесятой минуте. Я воспрял духом. Моя задумка оправдывала себя.

Перед вечерними событиями мы прогулялись. Олег безмятежно рассуждал о политике и автомобилях. Я старался поддерживать разговор, но по мере приближения матчей на душе скребли кошки. Логика подсказывала, что мои ставки относительно безопасны, Олег и вовсе на этом настаивал... Но люди и в преддверии апокалипсиса верны привычным занятиям, не подозревая о приближении конца.

Мы вернулись в офис и расположились перед экраном на том же диване, где пересеклись в первый раз. Вечность назад. Я пришел сюда в поисках легкого побочного дохода, а теперь от IncBet зависела жизнь одного из самых близких мне людей. Я понял, насколько обманчиво равнодушие здешних игроков. Внешне и я был предельно сосредоточен. Глаз не дергался, ладони не потели, по телу не пробежала дрожь. Опыт создавал видимость хладнокровия. Но внутри — и у меня, и у остальных, я ничуть не сомневался — клочкотал вулкан.

За следующие часы я постарел лет на десять. Лидер «ПСЖ» Неймар получил травму, а вундеркинд Мбаппе отсиживался в запасе. Только благодаря мячу под занавес второго тайма Париж выцарапал победу. «Боруссия» разгромила соперника в пух и прах, но другие поединки протекали нервозно. Голы забивались неохотно. Бывают моменты, когда элементарно оправдываются безумные прогнозы, а в иные дни верняк заходит со скрипом. Я буквально прилип к экрану и, как одержимый, смотрел футбол, будто в гнетущей лихорадке.

Олег же блаженно потягивал коктейль и болтал с заскучавшими клиентами. Я напроць забыл о его существовании, пока не завершилось предпоследнее событие по линии. И для меня оно завершилось успехом. Я в изнеможении откинулся на диван. Девять ставок из десяти оказались фартовыми. Осталась последняя. Самая надежная. Я сделал ее по прямой рекомендации Олега и считал железобетонной. Кубок Англии. Ответный матч. «Саутгемптон»—«Ливерпуль». «Ливерпуль» забьет первым. Лучшего и пожелать нельзя.

Неужели мне в кои-то веки по-настоящему повезет? Неужели я буду обязан идиотской рекламе из Интернета спасением отца? Рекламе — и Олегу. Я повернулся пожать ему руку, но в этот момент он взвился и устремился к выходу.

— Олег! — крикнул я вслед. Тот не обернулся.

Я встал, собираясь последовать за ним, и тут же снова сел — мощный детина толкнул меня обратно на диван. За его спиной маячили еще двое.

— Куда пошла эта гнида? — рывкнул он.

— Понятия не имею, — ответил я. — А в чем дело?

— Он нам денег должен. Много. Наколоть нас решил, урод. Серега, беги за ним.
— В смысле — наколоть? — переспросил я, пока бородатый Серега неуклюже топал прочь. — Он же обычный каппер, не мошенник.
— Приколись, Вован, — хохотнул третий. — Очередной лох.
— Почему... лох? — кажется, впервые за вечер я потерял самообладание.
— Твой Олег — сотрудник этой конторы. Неофициальный, конечно. Находит необстрелянных птенцов, втирается в доверие, ждет, чтобы у вас банк вырос. Потом ловит момент, когда вы его целиком на кон ставите. Рано или поздно ставят все. Жадность человеческая безгранична. И одним обманным советом он тебя разоряет.
— Ты гонишь. У меня почти весь экспресс сработал. В чем проблема?
— Почти весь? То есть последняя ставка осталась?
— Ну да. На «Саутгемптон» с «Ливерпулем». Что «Ливер» откроет счет.
Детина смотрел на меня то ли насмешливо, то ли сочувственно. Матч между тем уже начался.

— Дружище, ты составы команд видел?
— Нет. Слушай, ну это же «Ливерпуль», он мощно выступает...
Я запнулся, осящая подвох. Вообще я всегда изучал и составы, и комментарии тренеров, и даже социальные сети футболистов. Но сегодня Олег так страстно распинался о неизбежности ливерпульского гола, что я проигнорировал привычные ритуалы. Хотя знал же, знал, как важно следовать принципам беттинга, не изменяя им ни на секунду!..

— Мощно, вот и вынес «Саут» у себя дома 5:0. А сейчас в основе сплошь молодняк. Лидеры отдыхают. Зачем рисковать, если Лига чемпионов на носу. И как, по-твоему, «Ливер» забить должен? Да они и в атаку-то не пойдут, отсилятся в защите. А «Саут» перед своими болельщиками не захочет позориться, домашний гол обязательно закатит.
— Почему же на гол «Ливерпуля» такой низкий коэффициент?
— Уловка букмекеров. Не все ставки с низким кэфом легко проходимы. Да ты сам посмотри.

Детина кивнул на экран. Несколько минут хватило, чтобы понять: у «Саутгемптона» серьезные намерения. «Ливерпуль» же явно собирался сушить игру: он в любом случае оказывался в следующей стадии кубка.

Во мне закипела звериная ярость. Я выскочил на улицу, огляделся, задыхаясь от бешенства. Я убил бы Олега голыми руками, но его и след простыл. Уверен, он сменил и номер телефона. У него их небось было несколько. Отдельный номер для каждого... лоха.

От бессилия и отчаяния я завыл, рванул к кирпичной стене дома и принялся вновь и вновь впечатывать в нее кулаки, пока вернувшийся несолоно хлебавши Серега не оттащил меня силой. Тогда я бросился обратно в офис, облокотился на стойку ресепшна и потребовал продать мою ставку. Я знал, что в IncBet предусмотрена такая возможность, позволяющая компенсировать часть средств, если ты решил не дожидаться окончания события. Однако тетка отказалась, сославшись на внутренние правила, запрещающие продажу в случае формирования экспресса на пять и более событий. Она предъявила экземпляр договора, подписанный лично мной при регистрации. Наверное, я действительно его подписал. Глупо спорить.

Я схватил бумагу и, шатаясь, поплелся на прежнее место. Чтобы не упасть, я хватался за стены, оставляя кровавые отпечатки. В голове навязчиво пульсировала единственная мысль. Отец. Папа. Папочка. Как же я тебя подвел. Прости, пожалуйста. Прости. Спасение было близко. Хотя... почему было? Ведь счет до сих пор не открыт! У «Ливерпуля» еще есть шанс! И у нас он тоже есть!..

Я взмолился Богу и всем известным мне святым, взмолился так горячо, что из глаз хлынули слезы — пожалуйста, пусть они забьют один гол, больше не надо, а после я завяжу с азартными играми, удалю к дьяволу проклятый IncBet, мы вылечим папу и проживем вместе много счастливых лет...

Воображение нарисовало столь красочные картины нашего будущего, что фантазии на время отвлекли от реальности. Я вытер слезы разбитой рукой и обратился к экрану.

«Саутгемптон» исполнял пенальти.

Вратарь «Ливерпуля» прыгал из стороны в сторону, надеясь отвлечь бьющего. Тот неторопливо установил мяч на точку. Стены офиса расплылись и превратились в бесформенное цветное пятно, звуки голосов и шум трансляций слились в оглушительно вибрирующий гул, небо пылало, планета разлетелась на куски, словно расколотый грецкий орех, а я непрерывно повторял спасительную мантру: «Ливерпуль» забьет первым.

Судья дал свисток.

«Ливерпуль» забьет первым.

Игрок разбежался.

«Ливерпуль» забьет первым.

Удар.

«Ливерпуль». Забьет. Первым.

ЯСНЫ ДАЛЕКИЕ ЗВЕЗДЫ

Жалобно мычит теленок. С травой спуталась, натянулась веревка, в ловушке, бедняга. Хрипит-задыхается, рвется, а петля все туже. Нас не подпускает, боится. Тихо крадется Анюта, пучок травы дергает и в сторону. Телячьи глазенки хлопают влажно, страх тает, растворяется в их агатовой густоте. Пока не испугался опять, Анюта — пальчиком по носу, и по шелковой маковке. Ужас клубится в агатах, теленок прочь, но Анюта, ликуя, уже обратно, кричит:

— Я погладила его! Погладила теленка!

— Великое достижение, — усмехаюсь. И правда: в наших грузинских каникулах знакомство с теленком — не самый яркий эпизод. Не этим запомнилась мне крохотная деревенька Т., куда скользили мы по нитке горного серпантина от земли до небес.

Добрых два часа таксист болтал нас по кочкам. Богатырь внедорожник ревел, ругался, но послушно тарыхтел над пропастью, где распахнулась в роскошной наготе своей вся страна, цветущая, полногрудая, пышущая здоровьем и силой. Призрачно мерцала полоска тумана, стирая косую черту горизонта, вдалеке, белым по зеленому, затейливые узоры овец. Чумазные лопухие мальчишки, сыновья пастухов, за машиной со смехом и камушками по крыше, в окна заглянуть пытались, но быстро отставали, и после только собаки да крупная птица молнией сквозь облака — орел, что ли?

Широкое озеро сверкает лазурью, и Т. под бочком у него. Сгрызла вода лоскут суши, и там заливчик теперь, лягушатник для ребятни. На другом берегу подпирают небо хмурые горы, молчаливые стражи. Одурили от жары кузнечики, знай себе скрипят лениво, на озере кашляет двигатель моторки, моя девочка щелкает фотоаппаратом — и все равно тишина вокруг, благословенная тишина.

В Т. полторы сотни семей. Уедут на заработки, а затем обратно. Удить рыбу, пасти скот, за детьми следить. Натуральное хозяйство, скотоводство да земледелие. Драгоценная невинность уединенного мирка ослепляет, оглушает, страшно осквернить ее. Но пока бредем вдоль берега под убаюкивающий шепот волн, бычок в тени забора при-

чмокивает жвачкой, старая лодка ржавеет в траве, и фиолетовые, желтые, белые цветы разбрызганы по ней пестрыми кляксами, я верю, я знаю: мы — одно целое, созданное Всевышним, чтобы родиться, созреть и увянуть в положенный срок.

Вот диковинное сооружение — отель, сказали местные. Над низкими, к земле склоненными хибарами торчит угловатой башней. Шатко склеены три этажа, стены с пустыми глазницами окон не побелены, мусор кругом. Недостроена башня и необитаема, похоже. Толкаю дверь с опаской. Чудо — просторная комната, уютная, ремонт приличный. Печка, удобные кресла рядом, сыто урчит холодильник, на стенке роутер, по плазме кино с приглушенным звуком. Де Ниро с ружьем в телевизоре, а на диване грузин, тощий, кургузый, загорелый, прикорнул, и сладко спится ему, видать, аж причмокивает.

- Это хозяин? — Анюта шепотом.
- Не думаю. Грязноват для хозяина. Рабочий, скорее.
- Интересно, здесь вообще живут?
- Черт знает. Если это не отель, у нас проблемы.

Озираемся, разглядываем то да се, и вдруг котенок шмыг на грузина, грузин вздрагивает, просыпается, а тут мы. Вскакивает, глаза пучит — снимся, что ли, или все взаправду? Ждем. Приходит в себя наконец.

- Вы кто? Чего пришли?
- Можно у вас переночевать? — спрашиваю.
- Хозяина сейчас нету, — тянет грузин. — Вчера гости были, он поехал их провожать. И попросил посторожить.

Хорош сторож, дрыхнет и мышей не ловит.

— Мы останемся? — повторяю. — До завтра. Нам больше некуда идти.

— До завтра... ну ладно. Пойдем, покажу, где спать будете.

Лестница крутой спиралью, мы на второй этаж, за грузином следом. Пять комнат, берем одну наугад. Пара кроватей, стол, стул, стены голые, заляпаны сыростью. Старенькое белье на постелях в заплатках, но опрятное. Словно дома у бабушки. И балкончик с видом на озеро. Остаемся. За двоих пятьдесят лари. По рукам. Грузина Антоном зовут, как и меня.

Разобрать чемоданы, одежду сменить — раз плюнуть, полчаса, и гуляем. Но обойти деревушку не успеваем. Дождь. Разорвались тучи, ледяной ливень водопадом. Повезло: перед нами магазинчик. Заперто. Жмусь лбом к стеклу. Что внутри? Пылинки в полумраке, а на прилавке сигареты, зажигалки, дезодоранты, презервативы, расчески, карты, погремушки. Бесформенная куча хлама. Продавца нет, никто нас не впустит.

Торчим снаружи. Дождь по крыше уныло, в кустах шелестит. Под козырьком лавочка. Садимся. Рядом тормозит машинка. Забавная — горбатая, сплошь в кляксах от грязи.

— Эй, молодежь! Давай подвезу.

В тельняшке, пожилой. Стекло опускает, сигналил призывно мохнатая лапа.

— Да ничего, мы сами... — Анюта робко, а дядька отмахивается.

— Дождь надолго зарядил. Залезай, дочка, не стесняйся.

Пожимаю плечами, и мы на заднем сиденье.

Водитель в зеркале. Небритый, волосы сединой серебрятся, взъерошены брови, взгляд плутоват, а лицо доброе, простое, смешливые морщинки от глаз паутиной.

— Мне Антон передал, во дворец юноша с девушкой заселились. Это вы?

— Во дворец?

— Ну да. Я так нашу берлогу называю. В шутку, конечно.

— Заселились мы, верно. А вы с Антоном знакомы?

— Тут все друг с другом знакомы. Дворец — это бывший охотничий домик, мы с товарищем его купили и обычно никому не сдаем. Антона просим постеречь, пока нас нет. Он, наверное, деньги с вас потребовал?

Ухмыляется, блестят редкие зубы. Я хмыкаю. Похоже, дал маху.

— А нас уверяли — гостиница ... — сокрушается Анюта.

— Иногда здесь останавливаются. Важные люди, чиновники да бизнесмены. Платы ни с кого не беру. Но Антон подрабатывает. Я разрешаю. Главное, много не требует. Меня, кстати, Петром звать.

Мы тоже представляемся. Подкатываем к домишку, и внутрь. Когда мы приехали, нас встречали курчавые облачка, от солнца румяные, точно младенцы, а теперь они разбежались, гром заворчал сердито.

Тепло во дворце. Рассаживаемся, Антон рядом хлопочет. На столе огромное блюдо с сыром, рыбешки от мала до велика, пунцовые раки, огурцы, помидоры, колечки лука... Снедь нехитрая, но хозяева с такой горячностью спешат поделиться ею с нами, что я, глубоко тронутый, выставляю бутылку тбилисской чачи. Бледнеет, охает Антон:

— Поднабрался вчера. Еле отошел.

— Так, может, и не надо пить? — предлагает Анюта. Антон не согласен.

— Что ты, милая! Надо вас поприветствовать. Мы плохо одеты, но хорошо воспитаны.

— Не давай мне чачу с вином мешать, — прошу Анюту. — А то мигом вырублюсь.

— Мы с вином и не мешаем, — рявкает Петр и тут же хлоп на стол еще бутылку. Трехлитровая, пузатая, мутно-желтая жижа внутри.

— Разве это не вино? — подозрительно кошусь на бутылку.

— Нет, дорогой. Не вино — сущий нектар. Свой, домашний. Все, что вы видите, делаем мы. Сыр наш. Рыба и раки — из озера. Оно самое глубокое в Грузии. Раньше в нем только форель водилась. Потом привезли корюшку, форели на корм. Сига завезли. Сазана — из Армении. Карась появился. И неизвестная рыбешка — мы ее хромой называем. Вы сейчас ее кушаете.

— Рыбка — супер, — признаю. — В Москве такой не достать.

— Боюсь, и у нас скоро не останется, — Петр наливает нам вина. — Мы регулярно выпускаем мальков, но деревенские не дают им вырасти. Ловят, сети ставят... Ну ладно, хватит языком трепать. Давайте за гостей наших выпьем. Не ждали мы вас, да и вы, наверное, не знали, что здесь окажетесь. Но раз уж так вышло — мы очень рады. Надеюсь, и вы довольны.

Хрупким звоном смеются бокалы. Чокаемся, пьем. Вино кисловатое и ядреное, крепче привычного саперави. Антон щелкает каналы. На «Живой планете» пингвинята, комочки пуха, пригрелись под материнским крылом. Петр наблюдает за ними задумчиво, встает.

— За детей хочу выпить. У Антона и внучка есть. Сколько ей, Антон?

— Шесть месяцев.

— А у вас дети есть?

Переглядываемся с Анютой, улыбаемся чуть смущенно.

— Нет, — говорю, — но обязательно будут.

— Добро, — Петр кивает, отпивает вина, и мы вслед за ним тоже. — У меня сын. Но внука нету. Седьмой год женат, да все без толку. Я сыну твержу: поторопись, иначе я второго сделаю. Вы вообще знаете, почему за детей пьют? Да, они самые маленькие, самые любимые... Но главное — потому, что они и хорошего, и плохого человека одинаково воспринимают. Они не грешники. В них зла нет.

— А давайте и за родителей выпьем, — Антон встает, подливает. — Тем, кто жив, дай Бог здоровья. Тем, кого нет, вечная память.

Замолкаем, каждый о своем раздумывает. Телевизор отвлекает. За пингвиньей передачей грибная. Дедок в панаме раскрывает тайны мастерства. Петр гасит звук, плюется.

— Шулер, а не грибник. Любой мелюзгой хвастает. Я вам покажу настоящие грибы.

Копается в телефоне. Снимок белого шара размером с пять футбольных мячей. Гордится собой, конечно.

— Дождевик, — объявляет торжественно Петр. — Десять кило весил. Такие неподалеку растут. Катишь на рыбалку, из окна выглядываешь, а они по холмам раскиданы. Охотиться вот не люблю. Не могу без нужды убивать. Дикие звери у нас, конечно, водятся. Однажды медведицу с медвежатами встретил. По ночам волки вокруг шныряют. Хотите, съездим посмотреть?

В Петровых глазах огоньки азарта, в Анютиных — усталость, и в моих тоже, наверное.

— Куда ж мы поедим? — восклицает Аня. — Вы ведь выпили. И дороги размыло, не пробраться.

— Твоя правда, дочка, — Петр сдается без боя, вино дает о себе знать, он отяжелел, обмяк, Антон и вовсе клюет носом над рыбьими костями. Со вчерашнего-то не протрезвел, и опять пить приходится, до дна каждый тост, иначе не положено. — Эй, Антон! Скажи напоследок что-нибудь толковое и спать иди, не мучайся.

— Я скажу, — вздрагивает Антон, трясет головой, дремоту сгоняя, доликает остатки вина. Быстро ушла бутылочка. — Раньше наше озеро было прозрачнее зеркала. Выйдешь к причалу, умоешься, и сразу жить хочется. Но сейчас оно загажено. Рыба вверх брюхом плывет. Попав к людям, горная река грязнеет. Они портят ее. Оскверняют. А вы, дорогие гости, как река у истока. Вы еще не испорчены. Хочу выпить за то, чтобы так долго продолжалось. За чистоту.

В глазах дымовая завеса, на губах соль и пот. А я понимаю с тоской, что на самом деле нет во мне ни чистоты, ни праведности, были когда-то, да сгнули, спалил их дотла безжалостный город, вдребезги разбила проклятая взрослость. Выжженной пустошью темнеет поле иллюзий, надежд, глупой романтики юности, и цинизм ползет по нему смрадным ядом. Но ради той, чья рука сонным зверьком легла на мое колено, я готов, я должен, я буду меняться, я стану лучше, вновь стану чистым, клянусь, клянусь...

Пошатываясь, уходит Антон. Анюту в щеку клюет, а меня по волосам пятерней. Петр обреченно тянется к чаше. Анютин локоть мне в ребра.

— Хочу напомнить...

— Да плевать, — отмахиваюсь. — Пить так пить.

— Тогда не говори, что я не предупреждала, — бурчит Аня, а я ее все равно люблю, такие дела.

Лампочка с потолка моргает, огонек блуждает по рюмке. От чачи запах персиков. Поднимаем одну за братьев, за сестер — другую, третью — за красивый футбол. Я теряю счет стопкам, рассудок утекает сквозь щели в полу, густая, горькая духота, падаю в пустоту и краешком сознания не слышу, скорее, чувствую, как вздыхает Петр, и покосившийся домишко наш скрипит досками, кряхтит, с ним вместе вздыхает...

— Проснись, Антон!

Петр трясет за плечо. Очертания предметов тают, размываются.

— Наши Антоны не в форме, — улыбается Аня.

— Я чего спросить-то хотел. У тебя сигаретки не найдется?

Киваю. Выходим на улицу.

— Тыщу лет не курил, а сейчас прямо потянуло. Жене, главное, не растрезвоньте.

Пока мы пили, дождь перестал. Озеро исчезло, ускользнуло невидимкой в прохладу горной ночи. Черное небо растворилось в черной воде, огоньки дворца в густой бархатной тьме порхают светлячками.

— Спасибо, что приютили. Без вас мы бы пропали.

— Да брось, — Петр затягивается. — Уж извините за разруху. Приехали бы годика через полтора, мы бы вас приняли как подобает. Шутим вот — дворец, дворец. А он скоро и правда дворцом станет. Все этажи достроим, пляж сделаем, комнаты с панорамными окнами, балконы, каминны... Мой товарищ очень хочет оживить это место. Он и дороги прокладывает, и деньгами ссужает, если нужно кому, материалы, людей присылает. Мы любим Т. Не представляю, как еще где-то жить можно. Хотя родом я из Бакуриани, и жена там осталась. Жалко, некому завещать мое дело. Сыну неинтересно. А внука уж и не дождусь, наверное...

— Не надо так. Вы прекрасный, светлый человек, судьба не посмеет несправедливо с вами обойтись.

— Молодой ты, Антон. Веришь в лучшее.

— А как иначе? Мне кажется, только в Грузии-то и стоит в лучшее верить. Мы здесь ни одного злого слова не слышали. Никто не скандалил, не ругался, зато все Анькой восхищались, помогали советами, и так искренне, знаете, по-доброму, без задней мысли...

— Сынок, просто нам важно, чтобы вы по-настоящему Грузию полюбили. Не пришеивая ни политику, ни национальную вражду. Жить бы в мире, без конфликтов, детей да внуков воспитывать... Дай-ка еще сигаретку.

Я забыл, куда сунул пачку, шарю по куртке, и внезапно — маленький квадратик в кармане. Удивляюсь вначале, потом вспоминаю. Полыхает закатом Джвари, Кура и Арагви слились в поцелуе, белокурая девчушка с дедовых плеч смотрит вдаль, где серая молния дороги искрится блестками автомобилей и вершины призывно синеющих гор окроплены багрянцем... А я на холмике с книжицей Лермонтова, крошечной, с ладошку, внутри — стихи, и шепот портрета с обложки: спасибо, что взял, привез в родные края мои, запомни их, как я запомнил когда-то...

— В благодарность за ваше гостеприимство, — говорю, — примите, пожалуйста, скромный подарок.

Ложится книжка в руку Петра. Он листает, бережно гладит ее, и к сердцу, голову выше, произносит мечтательно:

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка...

А я эхом:

О! Для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое...

Стекает одна звезда в этот миг, и еще, и еще, перламутровые бусины среди разлитых чернил, Петр дрожит, плачет как будто этот сильный и смелый отшельник, тяжело на плечо мое давит. Неважно, сколько дней, недель, месяцев вы знакомы, чтобы стать друзьями, и часто случайный приют служит пристанищем надежнее отчего дома. Пропасть из прожитых лет меж нами, но оба мы с одинаковым страхом ждем будущего и с одинаково робкой надеждой пытаемся удержаться в седле. Много ли полуночные ковбои просят от жизни?..

Возвращаемся во дворец. Анята дремлет.

— Знаешь, как она тебя любит? — Петр мне. — Сильнее любит, чем ты. Не потеряй ее. Слышишь? Не потеряй.

— Не потеряю, — пытаюсь говорить твердо, но язык спиралью заплелся, рот полон ваты. На боковую пора.

— Спасибо за подарок, Антоша. Добрых снов.

Петр удаляется, книжечка возле сердца. Подхватываю Аняту, по ступенькам вверх. Непроглядная темень. На ощупь иду. Стена, стена, стена, кровать. Аняту сюда, сам на соседнюю, хочу помолиться в благодарность за жизнь, великий дар, за знакомство с Петром, за честь его и великодушие, но отключаюсь, не успев навести порядок в мыслях, падаю в тихие объятия забвения.

Утро. Кавардак в голове, пожар в животе. Но вставать надо. Собираемся, кофейку на дорожку, Антону денежку за ночлег, и вскоре вновь ухабы. Петр подвозит, хоть ему тоже несладко. Одна Петрова таратайка в порядке, бодро скачет вверх-вниз, до нас ей никакого дела. Оборачиваюсь, молча прощаюсь с дворцом. Поник он, съезжился понуро под дождиком. И мне жаль, невыносимо жаль этого калеку, изломанного, неуклюжего бедолагу, спрятать бы его, укрыть от непогоды и бедствий... Но дальше мчит таратайка, и мы молчим на обратном пути.

Моя рука в Анятиной. А в мыслях — как же мало в мире уголков, похожих на Т., не изгаженных траурной поступью века машин. И ведь еще меньше будет: как противиться цивилизации, ее безукоризненно точным законам? Логика прогресса несокрушима. Но если нельзя изменить что-то — не попробовать ли смириться? Смирился же Петр, возводящий дворец среди волков и медведей. Впусти вибрации мира, ощути его гармонию и стань... Счастлив? Ну, хотя бы спокоен.

На вершине очередного холма таратайка глохнет. Чертыхается Петр. Придется вылезать, копаться в моторе. Анята уснула, я смотрю в окно. После серии серпантинных виражей не поймешь, где начало, где конец пути. Серое марево всюду, шелест ветра в окна, по радио джаз... И в бесформенной дальней дымке чудятся мне контуры двух фигур — грузного мужчины в тельняшке и худого парнишки, пьяных до неприличия, которые стояли обнявшись, чтоб не упасть, в ночи, расшитой серебристым узором падающих звезд, стояли и видели космос, а из космоса их видел Бог.

Сейчас июль, однако осень уже крадется тихонько на мягких лапах. Нас ждет Батуми, праздник вечного тепла, где золотом плещет лето сквозь пальмы, витаминки солнца в запотевшей бутылке, прибор полирует камни, и галька в седине морской пены. А дальше — обратно, в Москву. Домой.

Сколько у человека может быть домов? Первый — где родился и вырос. Другой — где семья, дети. Третий — где, вероятно, захочется начать новую жизнь, если прежняя треснет. Тот, наконец, где придется окончить свои дни. Навечно часть из них в памяти. Часть рассыплется прахом, как растоптанный песчаный замок. Не знаю, много ли домов ждет меня впереди. Обрадуются ли мне там? Приютят? Прогонят, шипя в спину?..

Лишь одно знаю твердо. В доме, что мы оставили за спиной, для меня всегда будет гореть свет.